

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

Аквамариновое
Танго

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Груздева*

Вербинина, Валерия.

В31 Аквамариновое танго : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Парижский след. Лучшие детективы).

ISBN 978-5-04-097093-3

Неожиданно для себя баронесса Амалия Корф стала... подозреваемой в убийстве! Но, возвращаясь из Парижа в Ниццу, она просто не могла проехать мимо лежащего на обочине человека, застреленного тремя выстрелами в грудь... Им оказался владелец кафе «Плющ» Жозеф Рошар. Через несколько дней убили и его жену, а на зеркале осталась надпись помадой — «№ 3»... Инспектор Анри Лемье сразу поверил, что Амалия тут ни при чем, и согласился на ее помощь в расследовании. Вместе они выяснили: корни этих преступлений ведут в прошлое, когда Рошары служили в замке Поршер. Именно его сняла известная певица Лили Понс, чтобы встретить с друзьями Рождество. Там она и нашла свою смерть — якобы покончила с собой. Но если все так и есть, почему сейчас кто-то начал убивать свидетелей того давнего дела?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097093-3

ПРОЛОГ

Труп проснулся рано утром. Кряхтя, он выбрался из-под одеяла и отправился приводить себя в порядок.

Собственно говоря, в эти мгновения он еще не являлся трупом. Можно сказать и так, что он был без нескольких часов трупом и его смерть уже вырисовывалась в контурах последнего дня его жизни.

Однако в эти мгновения, когда он чистил зубы, одевался, разворачивал газету, ворчал на дороговизну и на нелепые действия правительства, он менее всего думал о смерти и о том, что всему сущему когда-нибудь приходит конец. Не беспокоили его также и соображения о своем завещании, о том, кому что достанется, когда его не станет. Нельзя сказать, чтобы это совсем его не интересовало — напротив, он никогда не принадлежал к людям, которые считают, что после них хоть потоп. Завещание он написал давно и с тех пор о нем не вспоминал да и не видел смысла в этом, особенно в такой рядовой день, как сегодняшний.

Не было ни единого намека на то, что его существование вскоре оборвется, ни одной зловещей приметы, никакого знака свыше — ничего. Кот, как обычно, подошел к хозяину, прося ласки, и кофе был горячий, именно такой, какой он любил.

Утро прошло, как проходят все утренние часы, и день, который его сменил, тоже оказался самым обыкновенным днем. Все то же самое и все так же, как всегда. Ничего особенного.

Ближе к вечеру труп вспомнил, что ему надо кое-куда съездить, и вышел. В окно жена видела, как он садился на свой велосипед.

— Ты скоро? — крикнула она.

Не отвечая, он только кивнул, сел на велосипед и растворился в дымчатых средиземноморских сумерках. Она видела его сутуловатую спину, когда он уезжал, и даже тень предчувствия не сжала ее сердце. Впоследствии она пыталась вспомнить хоть что-нибудь, что указало бы ей на то, что в то мгновение она видела его живым в последний раз, но тщетно.

Через несколько часов для него все завершилось навсегда; потому что смерть — единственное, о чем можно сказать, что она действительно навсегда. Он лежал на обочине, возле своего велосипеда, и теперь никто не мог отрицать, что это был уже не человек, а просто труп. Бледный мотылек кружил над его лицом.

Из-за поворота выехал автомобиль, один из тех громадных автомобилей, которые были на ходу еще до недавней войны. Желтоватый свет

фар осветил застывшее лицо покойника. Мотылек исполнил в воздухе какой-то замысловатый танец и исчез, словно его и вовсе не было.

Из автомобиля вышла женщина, окликнула лежащего, затем подошла ближе. Фары светились за ее спиной, словно глаза какого-то механического чудовища, мотор пыхтел с усилием, как человек, страдающий одышкой.

Женщина подошла ближе, внимательно оглядела труп и то, что лежало возле него. Хотя она понимала, что надежды практически нет, для очистки совести она все же потрогала пульс. Но рука трупа была холодной и застывшей.

Через несколько секунд дверца автомобиля хлопнула, и сумерки съели его — весь, вместе с дамой, которая в нем ехала, и одышливым мотором. Последними тьма проглотила глаза фар, которые были видны еще несколько мгновений, пока автомобиль ехал до следующего поворота.

ГЛАВА 1

КОРОЛЕВА БЕЗ ТРОНА

— Ваше имя?

— Амалия Корф. Баронесса Амалия Корф.

Молодой полицейский, заполнявший протокол, поднял глаза. Почудилось ли ему или свидетельница упомянула о своем титуле как бы между прочим, но с вполне определенной целью поставить собеседника на место? Однако Амалия ответила ему таким безмятежным взглядом, что инспектор невольно смутился.

— Вы живете в Ницце?

— В основном в Париже, но в здешних краях у меня дом.

— Вы француженка?

— Я русская. Впрочем, паспорт у меня британский.

Теперь Анри Лемье кое-что вспомнил об этой странной русской, у которой действительно была вилла близ Ниццы. Теперь, после революции на ее родине, баронесса устроила на вилле нечто вроде

центра для русских беженцев, на что местная полиция смотрела, скажем откровенно, без особого восторга. Им не нравились толпы дурно одетых, измученных людей, нередко прибывавших во Францию без всяких документов — или с такими документами, проверить подлинность которых не было никакой возможности. Однако несколько попыток властей под разными предлогами прикрыть это убежище закончились нешуточными скандалами, которые всегда разрешались в пользу этой непроницаемой светловолосой дамы с золотисто-карими глазами. Анри вспомнил разговоры о том, что у баронессы сохранились связи, которые она без малейшего колебания пускает в ход, и насутился. Он терпеть не мог людей, которые считают, что у них есть какие-то привилегии перед законом. Впрочем, до сих пор баронесса отвечала на его вопросы вполне откровенно, надо отдать ей должное. И все же эта женщина инстинктивно не нравилась ему, хотя он и сам не понимал почему.

— Расскажите, пожалуйста, как вы обнаружили тело, — попросил он.

— Я направлялась из Парижа в Ниццу на своей машине. Подъезжая к Ницце, я увидела на обочине велосипед и рядом с ним лежащего на земле человека. Я подумала, что он мог стать жертвой аварии или сердечного приступа. Я остановила машину и вышла, но беглого осмотра хватило, чтобы понять: здесь не было ни того, ни другого. Кто-то застрелил его, всадив три пули в грудь.

Инспектор Лемье привык к свидетелям, которые выражаются сумбурно, без конца повторя-

ют одно и то же и, не в силах выразить какую-то мысль словами, помогают себе бурной жестикуляцией. Четкость показаний Амалии не то чтобы поразила его, но, скажем прямо, немного озадачила.

...И еще он внезапно понял, кого именно ему напоминает его собеседница. Она была похожа на королеву без трона. Она, возможно, сама не сознавала этого, но манера держаться, речь, посадка головы — все выдавало в ней человека иного круга, даже другого мира, того мира, который с Первой мировой войной канул в небытие.

— Вы полагаете, — спросил Анри, — что этого человека кто-то убил?

— Я думаю, вряд ли он сумел бы совершить самоубийство, выстрелив в себя трижды.

Она язвила и улыбалась — инспектор хоть и заметил колкость, все же поймал себя на том, что его так и тянет улыбнуться в ответ.

— Вы не знаете этого человека? — продолжал он.

— Нет.

— Вы абсолютно в этом уверены?

— Абсолютно.

— Итак, вы увидели тело и отправились в полицию...

— Я думаю, в данных обстоятельствах это было разумнее всего.

— Может быть, вы заметили еще что-нибудь, кроме того, что его застрелили?

— Да. Возле трупа лежал листок, придавленный камнем. Я так понимаю, это было сделано, чтобы листок не улетел от ветра.

— Что за листок?

— Обыкновенный лист бумаги, не очень большой.

Инспектор нахмурился.

— В чем дело? — спросила Амалия, которая ни на секунду не переставала наблюдать за своим собеседником.

— Когда полиция прибыла на место, там не было никакого листка.

В кабинете наступило молчание.

— Очень странно, — медленно проговорила Амалия. — Лично я готова поклясться, что листок был, когда я уезжала оттуда.

— Что это был за листок, вы не запомнили?

— Разумеется, запомнила, потому что это показалось мне необычным. На листке крупно было написано: «№ 3».

— Номер три? — изумился инспектор.

— Да.

— Вы его трогали?

— Разумеется, нет. В наши дни всем, даже школьникам, отлично известно, что на месте преступления ни к чему прикасаться нельзя.

— То есть вы не забирали листок?

— Нет, я же сказала вам.

— Тогда куда же он мог деться?

Амалия пожалала плечами.

— Полагаю, инспектор, это уже ваша задача установить — куда.

Конечно, она не брала листок, Анри даже не сомневался в этом. И все-таки она поставила его в тупик. Он подумал, сколько людей, имеющих собственные машины, предпочли бы просто проехать

мимо бедняги, лежащего на обочине. Мы ничего не заметили, господин инспектор, мы торопились, и вообще, было уже темно... А вот она остановилась и сразу же обратилась в полицию, когда поняла, что дело неладно. Анри почувствовал, что его неприязнь к этой странной даме начинает ослабевать. Она поступила именно так, как должна была, и почему-то он был уверен, что и в других обстоятельствах она стала бы действовать точно так же.

— Кто он? — спросила Амалия.

— Простите?

— Убитый, он кто?

— Сожалею, но поскольку ведется следствие...

— Полно вам, инспектор. Я же все равно все прочитаю завтра в утренних газетах... Так кто он такой?

— Жозеф Рошар, — сдался инспектор. — Владелец местного кафе «Плюш».

— И только? Сдается мне, вы чего-то недоговариваете.

— Простите?

— Рядовой владелец кафе не слишком тянет на человека, в которого могут всадить три пули, — снисходительно пояснила Амалия. — Чем он занимался?

— Я уже вам сказал, — с неудовольствием ответил инспектор. — Он был хозяином кафе.

— Только и всего?

— Только и всего.

Амалия задумалась.

— Занятно, — проговорила она, ни к кому конкретно не обращаясь. — Разумеется, если бы

он вез при себе большие деньги, это бы объяснило обстоятельства, при которых его нашли. У него было при себе что-нибудь?

— Мы проверяем. Насколько нам известно, все его вещи на месте.

— А что значит пропавший листок с третьим номером? У вас есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— Никаких, сударыня. Я впервые услышал о нем от вас.

Амалия поглядела на его молодое открытое лицо и подавила вздох. Худощавый темноволосый Анри отчаянно пытался отрастить усы, но, судя по результатам, они не особенно спешили оправдать его надежды. На подбородке у него красовалась ямочка, придававшая ему юный вид. Безмятежный, чистенький, аккуратный юноша с белоснежными манжетами, застегнутый на все пуговицы и в идеально отглаженном костюме. Почему-то он напомнил Амалии детей, которые старательно играют во взрослых, но, что бы они ни делали, в каждом их жесте чувствуется, что это еще дети.

Как же он будет расследовать это дело? Или тут замешано что-то личное? До перехода к Франции Ницца была итальянской территорией, и тут до сих пор кипят итальянские страсти, которые нет-нет да дают о себе знать. Однако практичная Амалия тотчас же вспомнила, что убитому было лет под шестьдесят и, стало быть, он совсем не тянул на донжуана, который соблазнил чью-то жену и нарвался из-за этого на пулю — точнее, даже на три пули.

И при чем тут пропавшая записка с номером? Если это угроза, то кому? Если предостережение, то почему в такой странной форме?

Впрочем, в любом случае все это ее больше не касается. Она лишь свидетель, не более того. Увидела тело и сообщила о нем в полицию.

— Подпишите вот здесь, сударыня.

Очень решительная дама, подумал он, увидев, как она размашисто ставит подпись под протоколом. Порывшись в сумочке, Амалия вынула оттуда визитную карточку.

— Здесь мои телефоны, в Ницце и в Париже. Если выяснится что-то новое, позвоните мне.

Анри не подал виду, однако он был задет. Она что, всерьез верит, что он будет посвящать ее в детали полицейского расследования?

— Вдруг у вас возникнут ко мне еще какие-нибудь вопросы, — пояснила Амалия спокойно. — Ведь это вы будете вести дело?

— Я думаю... то есть почти уверен... да.

— Что ж, желаю успеха. До свидания, инспектор.

Она улыбнулась каким-то своим затаенным мыслям и вышла, оставив после себя тонкий аромат дорогих духов.

* * *

Всего их было семнадцать.

Семнадцать человечков, сложенных из бумаги. Пятнадцать стояли на полке. Двое лежали в стороне без голов, отстриженных ножницами.

За дверями послышались чьи-то шаркающие шаги. Дверь растворилась, и в темном проеме возник силуэт человека.

Он не сразу зажег свет. Полка с ее бумажными жителями и манила его, и отпугивала, но, раз начав, надо было довести дело до конца.

Щелкнул выключатель, и человек расхлябанной походкой двинулся к полке. По пути он взял со стола острые ножницы.

— Ну вот и третий, — проговорил он негромко и, сняв с полки третьего человечка, отстриг ему голову.

На спине у бумажного человечка неровным, прыгающим почерком было написано: «Жозеф Рошар».

ГЛАВА 2

НОМЕР ДВА

— Мама, почему ты так поздно? Что-нибудь случилось?

Таковыми словами встретила Амалию ее дочь Ксения, когда баронесса наконец прибыла на виллу.

— Ничего особенного. Я была в полиции.

— О! Машина подвела?

— Это не из-за машины, никакой аварии не было. Я нашла убитого.

— Где?

— На обочине, в нескольких верстах отсюда. — Почему-то ей было легче сказать русское